

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Страшный праздник

Опрос, проведенный «Левада-центром»¹ в июле 2024 года, показал, что 75% респондентов полагают, что дела в стране «идут в правильном направлении», а 87% одобряют деятельность Владимира Путина на посту президента. Действия российских вооруженных сил в Украине так или иначе поддержали 77%. Стоит добавить, что 20% заявили, что у них «все в полном порядке», а 48% выбрали ответ «все не так плохо, и можно жить».

Схожие результаты начали поступать примерно с весны 2022 года, тогда как до этого о том, что «направление верное», заявляли не 75%, а менее 50% опрошенных, а 44% говорили, что «страна движется по неверному пути». Деятельность Путина одобряли 66% (что близко к минимуму в 60%), а о том,

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

что «все в порядке», говорили почти вдвое реже.

Но стоило начаться СВО, и социальные индикаторы не просто прыгнули вверх, но замерли на высоких позициях. Это может показаться странным: идут боевые действия, страна под санкциями и сталкивается с мощным моральным осуждением в мире, а социологи рапортуют чуть ли не об эйфории ее жителей. У многих это рождает понятную реакцию: таким результатам верить нельзя. Если социологи их не сфальсифицировали сами – например, в угоду властям, – то либо они опрашивали только суперлояльных, либо респонденты из-за боязни возможных репрессий исказили свои ответы.

Но за прошедшие с февраля 2022 года месяцы кто только не выражал удивления по поводу того, что в городах (кроме тех, что вблизи границы с Украиной) царят веселье и живость, чуть ли не более активные, чем до начала СВО. Зная изнутри, как проводятся опросы «Левада-центра», я не могу усомниться в приведенных выше результатах. А собственный опыт постоянных разъездов по городам России позволяет подтвердить, что, действительно, в большинстве мест сейчас преобладает скорее довольство, чем недовольство или печаль. Знаки и отголоски военных действий встречаются то тут то там, но остаются разрозненными, а символика оптимизма – и казенного, и народного, – напротив, образует связную ткань, приятный позитивный флер повседневности.

Чувства тех, кого возмущает подобное поведение населения, понятны – как и предсказуемы рассуждения о кризисе общественной морали, растленной авторитарной властью. Но если искать объяснение указанным парадоксам вне области моральных суждений, то, наверное, следовало бы подойти к этой проб-

леме с позиций культурной антропологии. Тогда можно предположить, что нынешнее состояние массового сознания россиян свидетельствует о следующем: СВО стала для граждан РФ своего рода... «праздником для всех». И речь здесь не идет о том, что кому-то «война – мать родна», хотя, несомненно, есть отдельные лица и категории населения, которые получают от нее выгоды.

Другое возможное объяснение – состояние экономики, которая, будучи переведенной на военные рельсы, даже в условиях внешних ограничений демонстрирует устойчивость, адаптивность и гибкость. Среди причин этого, предположу, не последнее место занимает негласное разрешение нарушать законы и правила «цивилизованной торговли». Тоже своего рода праздник для тех, кто умеет «делать дела» и «решать вопросы», знает, как обходиться с законами так, чтобы они не мешали.

Еще одно объяснение: *de facto* легитимированная для отдельных «групп граждан» возможность безнаказанно творить насилие. Здесь уместно сослаться на такого авторитета, как покойный Евгений Пригожин. Приглашая заключенных на фронт, он перевернул представления о норме: то, что считалось преступлением и за что полагалось наказание, в новых условиях стало поощряемым поведением, «антипреступлением», искуплением вины.

Здесь необходимо вспомнить, что любая социальная норма есть сочетание предписания, как следует поступать, и репрессий за отклонение от этого предписания. Социальный порядок – в той мере порядок, в какой он окружен примерами действенных санкций за его нарушение. Но наряду с репрессиями общество использует противоположный инструмент для поддержания своего нормативного

устройства. Его называют «игрой» или «праздником» – специально создаваемые социальные ситуации, при которых за обычно наказуемые деяния наказание отменяется или даже следует социальное поощрение.

Но если санкции перестают применяться системно и массово, то норма лишается действенности и возникает состояние аномии. Помимо понятных рисков, такая ситуация имеет все же определенную ценность для общества – и не только как «отдых» от действовавших правил. Она служит для коррекции – через временный, а потом, возможно, и постоянный – отказ от норм, ценностных конструкций, смыслов и догм, которые для общества оказались либо устаревшими, либо слишком тягостными.

Посмотрим теперь на минувшие два с половиной года в свете высказанных положений. Возможно, те, кто планировал СВО, в самом деле рассчитывали на короткую кампанию. Возможно, общественное мнение ожидало краткой победоносной акции вроде конфликта с Грузией или взятия Крыма. Но все оказалось не так. Общественное мнение ждало триумфа, который не состоялся. Но вместо закономерной фрустрации оно, будучи помещенным в состояние войны, обнаружило также отмену обыденных правил и норм. В этом смысле ситуация бедствия схожа с празднеством: война все спешет, запретное доступно, запрещенное разрешено.

От каких же норм устали россияне? Коротко: от «западных». Антизападная риторика разлита в публике весьма широко, и при этом зачастую претензии к Западу сводятся к тому, что он «пытается навязать нам свои нравы», конкретизируемые обычно как режим общественной толерантности, прежде всего в отношении меньшинства и их

прав. Среди меньшинств прежде всего выделяют сексуальные. Стоит отметить, что эти нормы, приписываемые Западу, в российском обществе восприняты и укоренены не были, а потому не вполне понятно, как они могли его тяготить.

Причины, полагаю, кроются в том, что истинные нормы, обременяющие обывателя, уже в достаточной мере интериоризированы, но «своими» до конца не стали. Поэтому они ниже порога осознания, но в то же время ограничивают прежнюю волю, что ведет к накоплению напряжения, которое изливается на сексуальной проблематике – более чувствительной самой по себе и к тому же находящейся в сфере повышенного внимания государства.

Западная культура, пришедшая к нам в 1990-е как офисная, бытовая, техническая и массовая, выросла на социальной почве буржуазного общества. Для российского социума, по-настоящему буржуазным побыть не успевшего, она предстала как чужая, но привлекательная – и оттого требующая усилий для пользования ею. Западная культура проникла в повседневность со стремительностью, изумляющей антропологов. Свой вклад в перемены образа жизни миллионов внесли и новые способы коммуникации – мобильная связь и интернет.

Привыкание к новизне, освоение новых норм поверх старых, известных с детства, – это сложная задача. Это напряжение, которое присутствует в жизни каждого взрослого и в этом смысле создает обстановку, обременяющую общество. Вернуться к чему-то простому, «нашему» становится если не мечтой, то мотивом для массового раздражения «чужим». Так, ответом на невероятное количество новых и неведомых законов, новых ритуалов служения государству стала коррупция

как способ преодолеть и подчинить себе эту сложность. Но тянет к чему-то еще более простому...

Самое простое – это агрессия словом и делом. Словесная агрессия – это мат. Его повальное распространение – крик души общества, которому тяжела обуза модернизации, вестернизации. Деятельная агрессия, прямое насилие – это самое эффективное средство от угнетающей сложности новых норм. И если общество тяготилось своим прежним существованием и искало ему какую-то альтернативу, то СВО – идущая «где-то там», в которой (пока) не приходится участвовать лично, – такой альтернативой стала. Создается новая социальная ситуация, если угодно, новый воздух. Это он витает над улицами российских городов, где висят плакаты с игрой слов «Присоединяйся к СВОим!».

Предположу, что, сумей у нас установиться буржуазный порядок, который начал складываться в пресловутые 1990-е, присущая ему культура, в том числе массовая и правовая, были бы приняты, как оказалась принятой офисная культура теми, кто пошел работать в международные компании. Они были бы впору тем, кто начал трудиться и жить по-новому. Но у нас не сложился как доминирующая социальная категория класс свободных предпринимателей, то есть мелких и средних буржуа, они же – средний класс. Им не дали вырасти крупный бизнес и госструктуры со своим контролем.

Средним классом стали считать вероятно расплодившуюся армию гос-

служащих. Ни свобода, ни интернализированная дисциплина им не нужны. Чужды они и новому массовому классу неустойчиво-наемных работников на тысячах мелких предприятий сферы обслуживания. Это прекариат – нынешний аналог пролетариата, – не борец, но непреременный носитель недовольства.

Этой полувестернизированной среде были в тягость новые правила жизни, созданные изначально не для нее, а для настоящего среднего класса. Она приспособлялась к ним так же, как в свое время приспособлялась к правилам советской жизни – обходя углы и уклоняясь, где можно; подчиняясь, где нельзя. Но непременно тяготясь этим процессом.

Именно это бремя было – хотя бы символически – сброшено 24 февраля 2022 года. Запад нам более не указ; мы откажемся от «ихнего» ЕГЭ; мы отменим их толерантность; мы объявим себя выше, чем они. Праздник – это переверачивание иерархии. СВО опрокидывает нормы, и потому сопровождающий ее праздник с ней не в конфликте. В повороте на Восток важен отворот от Запада, считать себя частью которого российское общество сейчас не хочет. Правда, и Востоком тоже не хочет. Мы – Россия. Нам ничей закон не писан.

Война как примочка от модернизации – крайне неудачный вариант исторического движения. Но война как особое состояние общества, как страшный праздник сделает свое дело и перетрясет нормативный порядок. Для тех, кого не убили.